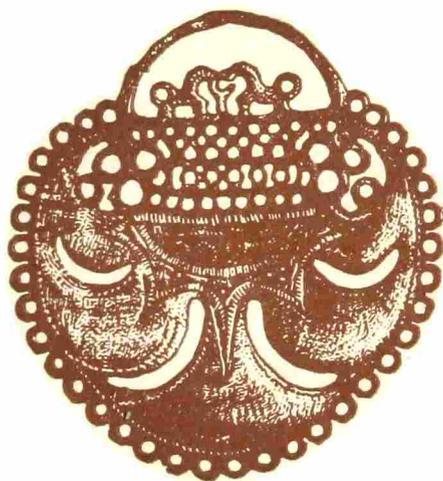

ISSN 0038-5034

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

2

1985

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»
МОСКВА

СОВЕТСКАЯ № 2
АРХЕОЛОГИЯ 1985

Журнал основан в 1957 году
Выходит четыре раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Б. А. Рыбаков (главный редактор)

И. И. Артеменко, В. И. Козенкова (отв. секретарь),
Г. А. Кошелевко, В. В. Кропоткин, Л. Р. Кызласов,
В. П. Любин, В. М. Массон, Н. Я. Мерперт,
Р. М. Муцаев, Б. Б. Пиотровский,
С. А. Плетнева (зам. главного редактора),
А. А. Формозов, В. П. Шилов

СОДЕРЖАНИЕ

Третьяков В. П. (Ленинград). Неолит Верхнего Подесенья	5
Шилов В. П. (Москва). Курган 6 урочища Вичкин-Булак и проблема хронологии начала средней бронзы Калмыкии	17
Колотухин В. А. (Симферополь). К вопросу о таврах и визил-кобинской культуре	34
Шрамко Б. А., Янушевич З. В. (Харьков, Кишинев). Культурные растения Скифии	47
Сапрыкин С. Ю. (Москва). Аспургпане	65
Макаров Н. А. (Москва). Орнаментика белозерской лепной керамики X—XI вв. Недошивина Н. Г., Фехнер М. В. (Москва). Погребальный обряд Тимеревского могильника	79
Юшко А. А. (Москва). О пределах Московского княжества Ивана Калиты	101
Артемьев А. Р. (Москва). Стратиграфия и хронология Изборской крепости	116
	130

Публикации

Барта Ю. (Нитра, ЧССР). Палеолитические памятники Словакии	141
Рындина Н. В., Яхонтова Л. К. (Москва). Древнейшее медное изделие Северной Месопотамии	155
Дубовская О. Р. (Донецк). Погребение лучника раннего железного века	166
Патрушев В. С. (Йошкар-Ола). Шейные гривны эпохи раннего железа из Волго-Камья	173
Габуев Т. А. (Москва). Аланские погребения IV в. н.э. в Северной Осетии	197
Распопова В. И. (Ленинград). Стекланные сосуды с росписью из Пенджикента	205
Галибин В. А. (Ленинград). Химический состав стекла фрагментов расписных сосудов из Пенджикента	212
Гаврилов С. А. (Хотьково, Московская обл.) Борисоглебский крест 1467 г.	213

Заметки

Матвеева Н. П. (Тюмень). Антропоморфные фигурки из раскопок у Андреевского озера	223
Шаровская Т. А. (Ленинград). О функциональном назначении каменных орудий из могильника Веселая Роша	224
Михайлов Б. Д. (Мелитополь). Курганы эпохи бронзы в Северном Приазовье	228
Новицкий Е. Ю. (Одесса). Деревянная конструкция из ямного погребения у села Холмское	232
Гаврилов А. В., Шкарбан А. С. (Симферополь). Скифский курган у села Крыловка в Крыму	236
Чорев М. Я. (Бахчисарай). Антропоморфная стела и плита с тамгообразным знаком из фондов Бахчисарайского музея	239
Кропоткин В. В., Обыденнов М. Ф. (Москва, Уфа). Находка античных монет в погребении кочевника на Южном Урале	242
Соловьев В. С. (Душанбе). Новые находки древнетюркских изваяний в Южном Таджикистане	246
Безуглов С. И. (Ростов-на-Дону). Погребение кочевника VII в. н. э. на Нижнем Дону	248
Падин В. А. (Трубчевск). «Большой курган» Старого Трубчевска	252
Косиков В. А., Гриб В. К. (Донецк). Парное кочевническое погребение из кургана у села Каменка в Донецкой области	257
Плоткин К. М. (Псков). Письма членов Псковского археологического общества профессору С. Ф. Платонову	262

Критика и библиография

Агбунов М. В. (Москва). <i>Доватур А. П., Каллистов Д. П., Шишова И. А.</i> Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982	267
Кабахия Б. С. (Сухуми). <i>Шамба Г. К.</i> Эшерское городище. Тбилиси, 1980	272
Мажитов Н. А. (Уфа). <i>Chalikowa E. A., Chalikow A. H.</i> Altungarn an der Kama und im Ural (Das Gräberfeld von Bolschie Tigani). Budapest, 1981	276
Васильев И. Б., Выборнов А. А., Моргунова Н. Л. (Куйбышев, Оренбург). <i>Матюшин Г. Н.</i> Энеолит Южного Урала, М., 1982	280
Максименков Г. А. (Ленинград). Древние культуры евразийских степей. По материалам археологических работ на новостройках. Л., 1983	290
Романчук А. И. (Свердловск). <i>Джорбенадзе В. А.</i> Археологические памятники Иорского ущелья. Т. IV. Эрцо — Тианети в средние века. Тбилиси, 1982	295

Хроника

Халиков А. Х. (Казань). Международный симпозиум, посвященный 100-летию Финно-угорского общества Финляндии. (Хельсинки, 1983)	298
Даркевич В. П. (Москва). Памяти Татьяны Васильевны Николаевой	301
Григорьев Г. П., Праслов Н. Д. (Ленинград). Памяти Александра Николаевича Рогачева	303

*Founded
in 1957*

**SOVIET
ARCHAEOLOGY**

**№ 2
1985**

Editor-in-Chief B. A. R Y B A K O V

CONTENTS

Tretyakov V. P. (Leningrad). The Neolithic of the Upper Desna	5
Shilov V. P. (Moscow). Mound 6 from the Bichkin-Buluk Stow and the Problem of Chronology of the Beginning of the Middle Bronze Age in Kalmukia . . .	17
Kolotukhin V. A. (Simferopol). On the Tauri and the Kizil-Koba Culture	34
Shramko B. A., Yanushevich Z. V. (Kharkov, Kishinev). Scythian Agricultural Plants	47
Saprykin S. Yu. (Moscow). The Aspurgians	65
Makarov N. A. (Moscow). Ornaments on 10th-11th-Century Modelled Pottery from Lake Belye	79
Nedoshivina N. G., Fekhner M. V. (Moscow). The Burial Rite of the Timerevo Burial Ground	101
Yushko A. A. (Moscow). On the Borders of the Moscow Principality of Ivan Kalita	116
Artemyev A. R. (Moscow). The Stratigraphy and Chronology of Izborsk Fortress	130

Publications

Barta J. (Nitra, CSSR). Palaeolithic Sites in Slovakia	141
Ryndina N. V., Yakhontova L. K. (Moscow). The Earliest Copper Artifact from Mesopotamia	155
Dubovskaya O. R. (Donetsk). A Burial of an Archer	166
Patrushev V. S. (Ioshkar-Ola). Early Iron Age Pectorals from the Volga-Kama Basin	173
Gabuyev T. A. (Moscow). Alan Burials of the 4th Century A. D. in Northern Osetia	197
Raspopova V. I. (Leningrad). Glass Painted Vessels from Pendjikent	205
Galibin V. A. (Leningrad). Chemical Composition of Glass Fragments of the Pendjikent Painted Vessels	212
Gavrilov S. A. (Khotkovo, Moscow Region). The 1467 Cross Found in the Boris and Gleb Monastery	213

Notes

Matveyeva N. P. (Tyumen). Anthropomorphic Figurines from Diggings at Lake Andreyevskoe	223
Sharovskaya T. A. (Leningrad). Functions of Stone Tools from the Burial Ground in Veselaya Roshcha	224
Mikhailov B. D. (Melitopol). Bronze Age Mounds in the Northern Azov Sea Coast	228
Novitsky E. Yu. (Odessa). A Wooden Construction from a Pit-Grave Culture at the Village of Kholmokoe	232
Gavrilov A. V., Shkarban A. S. (Simferopol). A Scythian Mound with a Stone Vault at the Village of Krylovka in the Crimea	236
Choref M. Ya. (Bakhchisarai). An Anthropomorphic Stella and a Plate with a Tamga Sign from the Bakhchisarai Museum	239
Kropotkin V. V., Obydenov M. F. (Moscow, Ufa). Finds of Antique Coins in a Burial of a Nomad in the Southern Urals	242
Solovyev V. S. (Dushanbe). New Finds of Ancient Turkic Sculptures from the Southern Tajikistan	246
Bezuglov S. I. (Rostov-on-Don). Burial of a Nomad of the 7th Century B. C. in the Lower Reaches of the Don	248
Padin V. A. (Trubchevsk). The Great Mound of Old Trubchevsk	252

Kosikov V. A., Grib V. K. (Donetsk). Double Burial of Nomads from the Mound at the Village of Kamenka in the Donetsk Region	257
Plotkin K. M. (Pskov). Letters to Prof. S. F. Platonov from the Members of the Pskov Archaeological Society	262

Book Reviews and Bibliography

Agbunov M. V. (Moscow). <i>Dovatur A. I., Kallistov D. P., Shishova I. A.</i> Peoples of the USSR in Herodotus' «History». Moscow, 1982	267
Kabakhia B. S. (Sukhumi). <i>Shamba G. K.</i> The Esher Fortified Settlement. Tbilisi, 1980	272
Mazhitov N. A. (Ufa). <i>Chalikova E. A., Chalikow A. H.</i> Altungarn an der Kama und im Ural. Budapest, 1981	276
Vasilyev I. B., Vybornov A. A., Morgunova N. L. (Kuibyshev, Orenburg). <i>Matyushin G. N.</i> The Eneolithic of the Southern Ural. Moscow, 1982	280
Maksimov G. A. (Leningrad). Ancient Cultures of the Eurasian Steppes. On the Materials of Archaeological Works on Construction Sites. Leningrad, 1983	290
Romanchuk A. I. (Sverdlovsk). <i>Djorbenadze V. A.</i> Archaeological Sites of the Iorsk Gorge. IV. Ertso – Trialeti in the Middle Ages. Tbilisi, 1982	295

Chronicle

Khalikov A. Kh. (Kazan). An International Symposium to Mark the Centenary of the Finno-Ugric Society of Finland (Helsinki, 1983)	298
Darkevich V. P. (Moscow). In Memory of T. V. Nikolaeva	301
Grigoryev G. P., Praslov N. D. (Leningrad). In Memory of A. N. Rogachev	303

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон 124-34-42

Зав. редакцией *Е. В. Бубнова*

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Сдано в набор 17.01.85	Подписано к печати 14.03.85	T-02742	Формат бумаги 70×108 ^{1/16}
Высокая печать	Усл. печ. л. 26,6	Усл. кр.-отт. 94,2 тыс.	Уч.-изд. л. 30,2 Бум. л. 9,5
	Тираж 3520 экз. Зак. 975		

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 6

МАКАРОВ Н. А.

ОРНАМЕНТИКА БЕЛОЗЕРСКОЙ ЛЕПНОЙ КЕРАМИКИ X—XI вв.

Разнообразная и выразительная орнаментация лепной керамики Белоозерья оказалась в центре внимания археологов сразу же после небольших раскопок, предпринятых П. А. Суховым на одном из средневековых поселений региона в 1939 г. [1, с. 96]. Аналогии некоторым из этих орнаментов в матерпалах роменско-боршевской культуры дали основание П. А. Сухову, а вслед за ним П. Н. Третьякову и Я. В. Станкевич признать лепную керамику Белоозерья славянской [2, с. 47; 3, с. 70; 4, с. 236—238]. После проведенных в 1949—1965 гг. масштабных раскопок Белоозера Л. А. Голубева пришла к выводу о весской принадлежности основных типов лепной керамики из нижнего горизонта данного памятника. В пользу этого положения исследовательница привела следующие важнейшие аргументы: а) орнаменты Белоозера, за исключением простейших, чужды славянской лепной керамике; б) они генетически связаны с орнаментами позднекаргопольской культуры эпохи железа; в) аналогии им известны среди орнаментов лепной керамики синхронных финно-угорских памятников на территории от Прибалтики до Прикамья [5, с. 155—160]. Таким образом, вопрос об этнической принадлежности орнаментов лепной посуды Белоозера можно считать решенным. Однако круг проблем, связанных с белозерской орнаментикой, далеко не исчерпан. Учитывая, что орнаментированная керамика из нижнего слоя Белоозера придает значительное своеобразие материальной культуре белозерской веси, представляется важным установить территорию распространения в X—XI вв. набора этих орнаментов. Необходимо выяснить, следует ли считать его собственно белозерским, или общим для всех финно-угров севера Восточной Европы, или характерным только для веси, занимавшей, согласно Л. А. Голубевой, территорию от Приладожья до среднего течения Сухоны [5, с. 17—19].

Основой для написания настоящей статьи помимо коллекций керамики из раскопок Белоозера в 1949—1965 гг.¹ послужили материалы исследований других памятников, прежде всего представительная коллекция с поселения Крутик у д. Городище в верхнем течении Шексны [6, с. 42—48; 7, с. 9, 10]². Большая серия лепных сосудов происходит из курганов X—XII вв. на реках Колпи, Суде, Кабоже, Мологе [8, с. 120—140; 9, с. 62—67; 10, с. 41; 11, с. 36; 12, с. 34, 35; 13, с. 100—105; 14, с. 439—441; 15, с. 27, 28; 16, с. 13, 14; 17, с. 81—89]³. Некоторые данные получены в результате разведок и небольших раскопок автора в различных пунктах Межозерья [18—20], использованы также материалы довоенных раскопок и случайных сборов (рис. 1)⁴. Всего в

¹ Коллекции керамики из раскопок Белоозера хранятся в ГИМ (опись № 1142, 1145, 1161, 2033, 2034, 2037), Череповецком краеведческом музее (колл. № 3475), Вологодском областном краеведческом музее (инв. № 4900) и Кирилло-Белозерском историко-художественном и архитектурном музее (инв. № 3686).

² Материалы раскопок Л. А. Голубевой хранятся в Череповецком краеведческом музее.

³ Раскопки курганов производились Вологодской экспедицией ГИМ в 1959—1980 гг. и Вологодской экспедицией ИА АН СССР в 1955—1976 гг. Материалы хранятся в Череповецком краеведческом музее (колл. № 1835, 3572) и Вологодском областном краеведческом музее (колл. № 13440, 13538, 14221, 14948, 14953, 14959, 15962, 15628, 15629, 19773, 19774, 19799, 20124, 20152, 20346, 20347, 20920, 20922).

⁴ В том числе керамика из Пестовских курганов и курганов на реках Суде и Кабоже, хранящаяся в МАЭ (колл. № 6012) и Устюженском краеведческом музее, керамика с поселения Луковец, хранящаяся в Череповецком краеведческом музее (колл. р-1737), и фрагменты сосудов, собранные в Белоозере и на р. Кемп (Белозерский краеведческий музей).

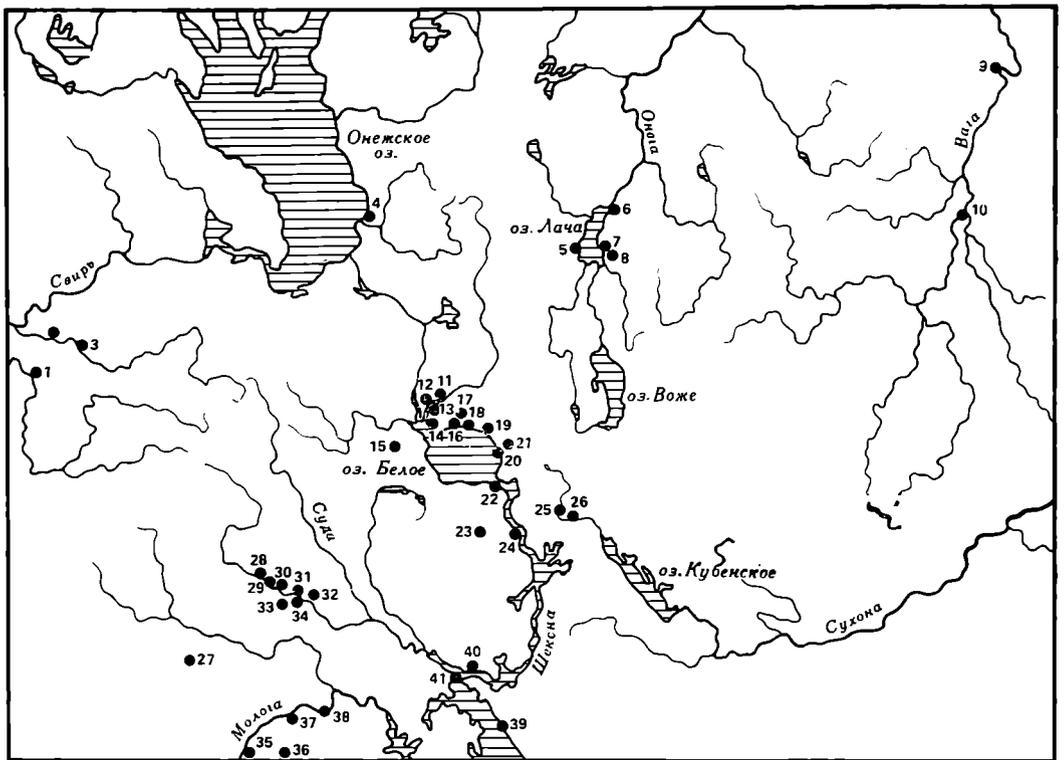

Рис. 1. Находки орнаментированной лепной керамики в Белозерье и сопредельных областях. 1 — Усть-Рыбежна; 2 — Акулова Гора; 3 — Нюбиничи; 4 — Муромское VIIa; 5 — Горка II; 6 — Кубенино; 7 — Малый Колокол; 8 — Попово; 9 — Корбола; 10 — Васильевское; 11 — Никольское I; 12 — Никольское VI; 13 — Никольское III; 14 — Новокомский II; 15 — Васютино; 16 — Монастырское; 17 — Троицкое I; 18 — Троицкое II; 19 — Старые Вашки; 20 — Ухтома I; 21 — Ухтома II; 22 — Белоозеро; 23 — Яковлево; 24 — Крутик; 25 — Нефедьево III; 26 — Нефедьево II; 27 — Кабожа; 28 — Новинки I; 29 — Новинки II; 30 — Новинки III; 31 — Ярцево; 32 — Бабаево; 33 — Дудино; 34 — Володино; 35 — Пестово; 36 — Крестцы; 37 — Куреваниха; 38 — Устюжна; 39 — Козьмодемьянское; 40 — Соборная Горка; 41 — Луковец

работе учтено около 900 образцов орнамента на целых сосудах и крупных фрагментах, достаточных для полной реконструкции композиций, и свыше 4000 мелких фрагментов орнаментированной керамики. Для сопоставления лепной керамики Белозерья с глиняной посудой других регионов были просмотрены коллекции из курганов юго-восточного Приладожья⁵, Старой Ладogi⁶, средневековых поселений Карелии⁷, Ярославских могильников⁸, Роданова и Кушманского городищ⁹ и ряда других памятников.

Рассмотренные материалы относятся к концу IX—XI в., в меньшей степени к XII в. Условно их можно считать синхронными и сравнивать с керамикой, датрующей тем же временем и происходящей с соседних территорий.

Большинство узоров отпечтано штампами, которые оставляют на поверхности глины отдельные вдавления; последние являются простейшими элементами орнамента. Значительно реже узоры выполнены в технике резьбы или прочерчивания; в этом случае элементами орнамента оказываются отдельные насечки или прочерченные линии. Анализ орнаментов состоит из: 1) анализа элементов и 2) анализа композиций, ко-

⁵ Материалы хранятся в ГИМ (опись № 137); Государственном Эрмитаже (ОИПК, колл. № 700, 881, 885), Государственном музее истории г. Ленинграда, Карельском государственном музее, Археологическом музее ИЯИЛ КФ АН СССР в Петрозаводске и Тихвинском краеведческом музее.

⁶ Государственный Эрмитаж, ОИПК, колл. Л, ЛГ, ЛДГ.

⁷ Коллекции хранятся в Археологическом музее ИЯИЛ КФ АН СССР в Петрозаводске.

⁸ ГИМ, опись № 290, 1875, 1955; Ярославский краеведческий музей, пнв. № 21677.

⁹ ГИМ, опись № 1797, 1239.

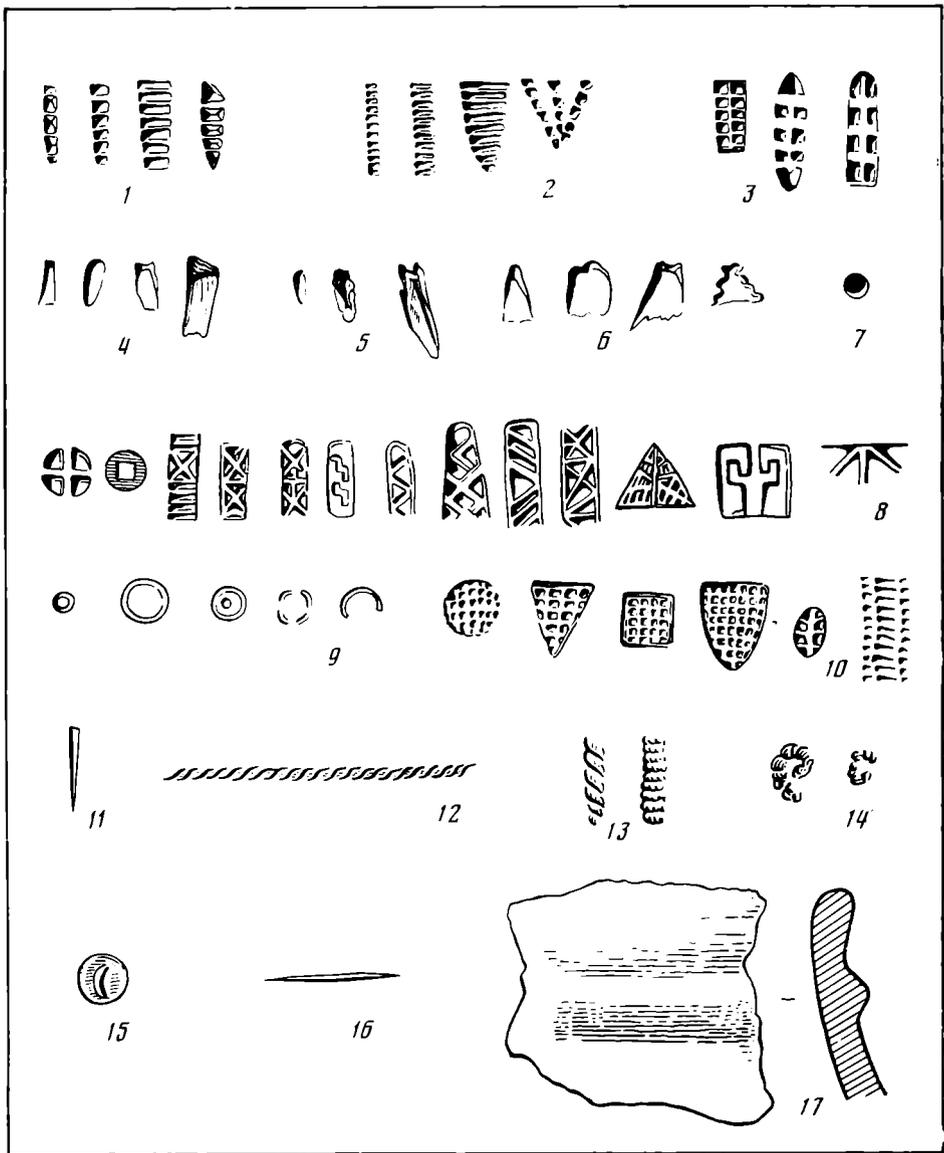

Рис. 2. Элементы орнамента на лепной керамике Белоозерья. 1 — гребенчатый; 2 — мелкозубчатый; 3 — рамочный; 4 — вдавления с плоским дном; 5 — глубокие вдавления; 6 — треугольные плоские вдавления; 7 — ямочный; 8 — фигурный; 9 — кольцевидный; 10 — решетчатый; 11 — насечки; 12 — ливейная веревочка; 13 — веревочка на палочке; 14 — веревочные петли; 15 — пальцевые вдавления; 16 — прочерченный; 17 — валик

торые эти элементы образуют, располагаясь в том или ином порядке на поверхности сосуда. Большинство археологов, изучающих средневековую керамику финно-угров, вслед за В. А. Городцовым, уделяют основное внимание анализу элементов орнамента [21, с. 65; 22, с. 196; 23, с. 288—291; 24, с. 62—67]. Обстоятельный разбор элементов орнамента лепной керамики Белоозера, произведенный Л. А. Голубевой [5, с. 151—154], дает нам возможность сосредоточиться на анализе орнаментальных композиций, ограничившись краткой характеристикой элементов.

Элементы орнамента. Вдавления, оставленные на поверхности сосуда, различаются по форме (контуру) и характеру поверхности орудия, которым они нанесены. На основании одного из этих признаков или их сочетания выделяются виды элементов. Как особые виды элементов выделяются прочерченная линия и лепной валик.

Гребенчатый орнамент, оттиснутый штампом с короткими зубцами (рис. 2, 1), встречен на фрагментах сосудов, найденных в Белоозере, Васютине, Крутике, а также на лепной керамике из курганов и поселений по берегам Белого озера, на реках Шексне, Кеме, Колпи, Кабоже

и Порозовице. Немногочисленные образцы этого орнамента известны и за пределами Белозерья: на памятниках в бассейне оз. Лача и на Онежском озере, на р. Ваге [25, табл. 13; 26; табл. XVIII], в Ярославском Поволожье, Суздале¹⁰, Старой Ладогге. Районом широкого распространения гребенчатых штампов был Камско-Вычегодский край [23, с. 288—291; 24, с. 62—67; 27, с. 55, рис. 22, с. 75, рис. 34; 28, с. 49—102].

Мелкозубчатый орнамент наносился штампом (скорее всего костяным) с короткими зубцами (длиной до 1,5 мм), плотно прилегающими друг к другу и оставляющими четкие, аккуратные отпечатки (рис. 2, 2). Данный орнамент украшает керамику Крутика и Белоозера, сосуды из Тимеревских курганов, Кушманского и Роданова городищ.

Рамочный орнамент оттискивался штампом с зубцами и длинным продольным надрезом. Отпечатки этого штампа имеют удлинненную форму — прямоугольную или овальную (рис. 2, 3). Рамочные штампы украшают керамику Крутика, Белоозера и Луковца. Л. А. Голубева указала аналогии этим орнаментам на лепной керамике бассейна Вычегды и Ветлужско-Вятского края [5, с. 158]. В последние годы в Вычегодском крае сделаны новые находки керамики с рамочным орнаментом [29, л. 110, рис. 117], однако серия образцов из Белоозера остается более представительной. На керамике из Ярославля [5, с. 158] рамочный штамп известен лишь на одном раннегончарном сосуде.

К числу «вдавлений с плоским дном» отнесены элементы орнамента, оттиснутые плоским штампом, неглубокие и имеющие, как правило, вытянутый контур (рис. 2, 4). Они наносились гладко обрезанным торцом или боковой стороной плоской палочки. В последнем случае очертания вдавления бывают нечеткими. Кроме Крутика, Белоозера и Луковца вдавления с плоским дном встречены на керамике памятников Кемы, Колпи, Кабожи и Порозовицы. Образцы подобного орнамента происходят из Тимеревского могильника и Суздаля, но, за исключением одного, украшают лишь край венчика сосуда.

Глубокие вдавления представляют собой элемент орнамента, образованный сильным нажатием на сырую глину острым краем палочки или щетки. Обычно вдавления имеют вытянутый контур. Края вдавления часто бывают рваными (рис. 2, 5). В Белозерье образцы этого орнамента встречены в материалах Крутика, Белоозера, Киснемского могильника, селища Монастырек и курганов Колпи. За пределами Белозерья они известны в материалах Ярославских могильников и Суздаля.

Треугольные плоские вдавления — элементы орнамента, близкие «вдавлениям с плоским дном». Вдавления наносились уголком или заостренным концом плоской палочки, скользящей вниз по поверхности сосуда. Иногда угол палочки скруглялся; в этом случае вдавление оказывалось полукруглым. Из-за скольжения палочки одна сторона вдавления обязательно смазана (рис. 2, 6). Этот орнамент известен на керамике Крутика, Белоозера, Васютина, курганов Колпи и нижней Мологи. За пределами Белозерья образцы подобного орнамента встречены в Прикамье [22, с. 196, табл. XLVIII, 17—19].

Ямочный орнамент представляет собой круглые глубокие вдавления с полукруглым или коническим дном (рис. 2, 7). Образцы этого орнамента происходят из Крутика, Белоозера, Луковца, памятников нижней Мологи и Кемы. Многочисленные аналогии встречены в памятниках Камско-Вычегодского края [22, с. 196, табл. XLVIII, 16, с. 197, табл. XLIX, 14, 15; 24, с. 64, табл. XI, 15], а также в Эстонии [30, с. 76]. Отдельные образцы происходят из Тимерева.

Фигурные орнаменты оттискивались плоским деревянным или костяным штампом, на котором вырезались узоры в виде зигзагов, косых и прямых крестов и других фигур. Элементы могли иметь различный контур (рис. 2, 8). В Белозерье образцы этого орнамента встречены лишь на Крутике, в Белоозере и в курганах по р. Кабоже. Фигурные штампы

¹⁰ Здесь и в дальнейшем имеется в виду керамика из раскопок Владимиро-Суздальской экспедиции ИА АН СССР в 1977 г. Пользуюсь случаем выразить признательность М. В. Седовой, познакомившей меня с неопубликованными материалами.

имели широкое распространение на памятниках верхней Камы, Чепцы и Вычегды [22, с. 197, табл. XLIX, 11, 12; 24, с. 64, табл. II, 6—8, 12, 15; 28, с. 188, табл. 7, 5, с. 205, табл. 27, 24; 29, л. 108, табл. 36, 1; 31, с. 216, табл. XXXII, 12; 32, табл. XXIX, 11а, б, 14а, 26б, 28а; 33, табл. VII, 2; 34, л. 385, рис. 297]. Однако лишь два варианта белозерских фигурных штампов находят здесь точные аналогии. Один из них известен и в Финляндии [35, с. 49].

Кольцевидные отпечатки (рис. 2, 9) наносились на поверхность сосуда торцом трубчатой кости. Этот орнамент украшает керамику Крутика, Белоозера, Никольского городища на р. Кеме, курганов Колпи и средней Мологи. Единичные образцы отпечатков кольцевидного штампа встречены на керамике юго-восточного Приладожья, восточной Карелии, Корбольского могильника на р. Ваге, Тимеревских курганов и доярусного слоя Новгорода [36, с. 5, 8]. Л. А. Голубева отметила бытование этого орнамента в Камско-Вычегодском крае и Финляндии [5, с. 158—160]. Серия образцов кольцевидных вдавлений из Прикамья увеличилась в результате раскопок последних лет [29, л. 113, рис. 130, л. 129, рис. 188].

Поверхность решетчатого штампа была покрыта частыми перекрестными насечками. Форма штампа различная: круглая, квадратная, треугольная (рис. 2, 10). Отпечатки решетчатых штампов встречены на керамике Крутика и Белоозера. Аналогии им известны лишь на сосудах из бассейна р. Чепцы, где эти элементы преобладают в орнаментике [23, с. 291; 24, с. 62—67; 32, с. 55; 37, с. 9; 38, с. 63, 64].

Короткие насечки (рис. 2, 11) наносились на поверхность сосуда ножом или острой палочкой. Образцы подобного орнамента происходят из Крутика, Белоозера, Луковца и курганов на р. Колпи. За пределами Белозерья они встречены на керамике Прикамья [22, с. 197, табл. XLIX, 6, 8; 33, с. 105, табл. VII, 11], где ими украшали венчик и тулово сосудов. Шесть образцов происходят из ярославских курганов, единичные образцы — из Старой Ладogi.

Оттиски веревочки (рис. 2, 12), опоясывающие шейку сосуда, украшают керамику Крутика, Белоозера и Васютина. Один образец подобного орнамента происходит из курганов Приладожья, 18 — из курганов Ярославского Поволжья. Линейные оттиски веревочки характерны для орнаментации лепной керамики Камско-Вычегодского края [22, с. 195, табл. XLVII, 8—11; 32, с. 134, табл. XXIX, 1а; 33, с. 105, табл. VII, 1] и Финляндии [35, с. 159, рис. 49; 39, с. 192, рис. 1, 13, рис. 11, 177, рис. 18, 289; 40, табл. 19, 1, табл. 40, 1; 41, с. 88, 130, табл. 72, 651, табл. 114, 1025, 1031].

Отпечатки веревочки, намотанной на палочку или на другую веревочку (рис. 2, 13), встречены на посуде Крутика, Белоозера, поселений и курганов на реках Кеме, Колпи, Кабоже и Мологе. Образцы этого орнамента известны на многих памятниках: в Старой Ладoge, на Рюриковом городище [42, с. 96; 43, с. 79], на городище Княжая Гора в Новгородской области [44, рис. 20; 45, рис. 17, 8], в Ярославских могильниках, на селищах верхней Мологи [46, рис. 30, 9, 13, 15, 16]. Однако число образцов, происходящих с каждого из этих памятников, невелико.

Отпечатки веревочных петель, имеющие формы овала или подковы (рис. 2, 14), украшают посуду Крутика и Белоозера. Один образец этого орнамента происходит из курганной группы у д. Кабожа. Этот прием орнаментации широко употреблялся в Камско-Вычегодском крае [24, с. 64, табл. XI, 22, 23; 27, рис. 34; 31, с. 215, табл. XXXI, 1; 33, с. 106, табл. VIII, 8; 47, рис. 1; 48, с. 44; 49, рис. 2, 4; 50, с. 44, рис. 1, 4, 6; 51, л. 55, рис. 45, 1; 52, рис. 37, 2]. Прикамское происхождение имеет, вероятно, и единственный образец этого орнамента, найденный в кургане на Ояти (Акулова Гора).

Неглубокие пальцевые вдавления (рис. 2, 15) в отличие от большинства других элементов орнамента украшают посуду не только Крутика и Белоозера, но и многих памятников нижней Мологи и Колпи. Образцы этого орнамента нередки и на памятниках бассейна верхней Мологи

(Узмень, Бустрыгино¹¹, Белый Городок) [46, рис. 30; 53] и Мсты (Княжое село)¹². Бассейн Мологи следует признать местом наибольшей концентрации этих орнаментов. Единичные образцы встречены в Старой Ладогe, на Рюриковом городище, городище Княжая Гора [44, рис. 21, 7] и в Приладожье (Усть-Рыбежна). В Михайловском могильнике под Ярославлем пальцевыми вдавлениями украшены пять сосудов.

Прочерченный орнамент представляет собой неглубокие бороздки, проведенные по сырой глине острым деревянным или металлическим предметом (рис. 2, 16). Немногочисленные образцы его кроме Крутика и Белоозера известны на памятниках Колпи и Мологи. Единичные экземпляры происходят из Приладожья и Ярославского Поволжья. Прочерченный орнамент часто встречается на лепной посуде Эстонии и Финляндии [40, табл. 39; 41, табл. 1029; 54, с. 22, табл. VIII, IX]. Известны они и в Прикамье.

Валик, вытянутый из стенки сосуда или наlepной (рис. 2, 17), украшает керамику Крутика, Белоозера, поселений Монастырек и Васютино. Л. А. Голубева нашла аналогии этому орнаментальному приему на керамике Вычегды [5, с. 158]¹³. Известен он и на керамике родоновской культуры [27, с. 59, рис. 34, 7]. Два образца керамики с валиками найдены в Ярославских курганах, еще два — на селищах IX—X вв. близ Суздаля и Ростова¹⁴. Серия образцов этого орнамента, происходящая из Белоозерья, остается наиболее представительной.

Таблица 1

Соотношение различных элементов орнамента на лепной керамике Крутика и Белоозера, %

№ п. п.	Элемент орнамента	Крутик (3598)	Белоозеро (1246)
1	Гребенчатый	40,9	49,5
2	Мелкозубчатый	0,3	3,2
3	Рамочный	1,1	10,0
4	Вдавления с плоским дном	6,6	6,5
5	Глубокие вдавления	9,1	3,2
6	Треугольные плоские вдавления	7,7	6,0
7	Ямочный	1,1	1,3
8	Фигурный	1,2	0,3
9	Кольцевидный	0,7	3,9
10	Решетчатый	0,4	0,1
11	Насечки	16,1	7,6
12	Линейная веревочка	3,2	1,5
13	Веревочка на палочке	9,6	2,6
14	Веревочные петли	0,7	0,3
15	Пальцевые вдавления	0,1	1,3
16	Прочерченный	0,1	0,6
17	Рельефный валик	1,2	2,0

Примечание. При подсчетах за единицу принимался каждый орнаментированный черенок, а в случае, если удавалось установить принадлежность серии черенков к одному сосуду, — развал сосуда. В скобках указано общее число фрагментов орнаментированной керамики.

Оценивая процентное соотношение различных элементов в орнаментальных наборах, легко заметить, что на двух памятниках (Крутике и Белоозере), давших основную массу орнаментированной керамики, преобладает гребенчатый орнамент (табл. 1). На обоих памятниках довольно значительна доля вдавлений с плоским дном, глубоких вдавлений и

¹¹ Музей антропологии и этнографии АН СССР (г. Ленинград), колл. 1533.

¹² Государственный Эрмитаж, ОИПК, колл. № 852.

¹³ Л. А. Голубева отметила и отдельные приладжские аналогии. Но, следуя Я. В. Стапкевич, правильнее считать горизонтальный наплыв-ребро на зашведном сосуде из кургана 4 у д. Новосельск не орнаментальным элементом, а технологической деталью [55, с. 234].

¹⁴ С материалами из раскопок селища на Михайловской стороне Суздаля и селища Деболовское II под Ростовом меня любезно познакомили М. В. Седова и А. Е. Леонтьев.

треугольных плоских вдавлений. На Крутике существенная часть керамики орнаментирована насечками и отпечатками веревочки на палочке, а на Белоозере — отпечатками мелкозубчатых и рамочных штампов. Доля других элементов на обоих памятниках невелика.

Композиции. Переходя к систематизации орнаментальных композиций, необходимо сделать несколько предварительных замечаний. Как правило, узоры имеют четкое ярусное строение: отпечатки различных штампов образуют бордюры, опоясывающие сосуд; каждый элемент принадлежит определенному ярусу бордюра. Несмотря на небрежное исполнение орнаментов, этот порядок нарушается редко. Случаи, когда тот или иной элемент «выбивается» из своего яруса и заходит в смежный, немногочисленны. Высота яруса определяется длиной составляющих его элементов и может значительно варьироваться. Как отдельные ярусы мы будем рассматривать горизонтальные линии. В целом выделение типов орнаментальных композиций производится по числу и строению отдельных ярусов. Орнаменты, не имеющие ярусного строения, объединяются в отдельную группу. При выделении композиций учитывается не только характер сочетания элементов орнамента, но и контур элементов. Форма контура элемента оказывается в данном случае более важным признаком, чем видовая принадлежность элемента. Орнаменты, образованные элементами разных видов, имеющими одинаковый контур, при условии одинакового сочетания элементов должны быть отнесены к одной композиции. Например, зигзагообразные линии, образованные отгисками гребенчатых штампов, веревочки на палочке или насечками, принадлежат к одной и той же композиции, несмотря на различие элементов. Для изучения композиций пригодными оказались около 900 образцов орнамента на целых сосудах и крупных фрагментах.

Группа А объединяет орнаменты, украшающие лишь венчик сосуда — его торец или наружный край (рис. 3, 1—3). Образцы происходят из Крутика, Белоозера и кургана у хут. Стан на р. Суде. Аналогии им находим в материалах Ярославских курганов (59 обр.), нижнем слое рязанско-окских могильниках [55, с. 172, рис. 10; 56, с. 84, рис. 14, Ярославля (2 обр. на раннегончарной керамике), древнемордовских и 3, с. 85, рис. 15, 1, с. 88, рис. 18, 2, с. 90, рис. 20, 7; 57, с. 156, рис. 33, 1—5, с. 152, рис. 34, 1, 4, 5]. Подобные орнаменты были знакомы и пермским финно-уграм (могильники Кичилькосьский, Кыпкинский, Весья-кар, Каневский, Важгортский [22, с. 195, табл. XLVII, 2; 28, с. 186, табл. 5, 2—4; 33, с. 106, табл. VIII, 12, 19; 48, с. 44; 58, с. 83, табл. III, 6]. Однако здесь они сравнительно редки, так же как и на западе — в Старой Ладогe, на Рюриковом городище и на селищах верхней Мологи, где встречаются в крайне ограниченном количестве. Можно сделать предположение о более частом использовании этой группы орнаментов в конце I тысячелетия н. э. поволжскими финно-уграми.

Группа В объединяет узоры из одного или нескольких поясков, образованных чередованием простых элементов. Последние вступают в различные комбинации, не нарушая ярусного строения композиций. В подгруппу *В₁* входят одноярусные орнаменты.

Тип I. Орнамент образован путем простого повторения элементов (рис. 3, 4—11). Помимо Крутика и Белоозера подобные узоры встречены на памятниках, расположенных в бассейнах рек Колпи (10 обр.), нижней Мологи (8 обр.), Кабожи (7 обр.), в верхнем течении р. Шексны (5 обр.) и на Белом озере (1 обр.). Известны они и в районе Онежского озера и оз. Лача (2 обр.).

На территориях к западу и югу от Межозерья композиции типа I встречаются спорадически на разных памятниках: в Старой Ладогe [4, с. 240, рис. 8, 1, 3, 4], Новгороде [36, с. 4—8], на Рюриковом городище, в бывшем Демянском уезде Новгородской губ.¹⁵, на поселениях и в курганах, расположенных в бассейне р. верхней Мологи (Белый городок, Еськи, Бустрыгино, Узмень) [46, рис. 30, 4, 13; 53,

¹⁵ Государственный Эрмитаж, ОИПК, колл. № 683.

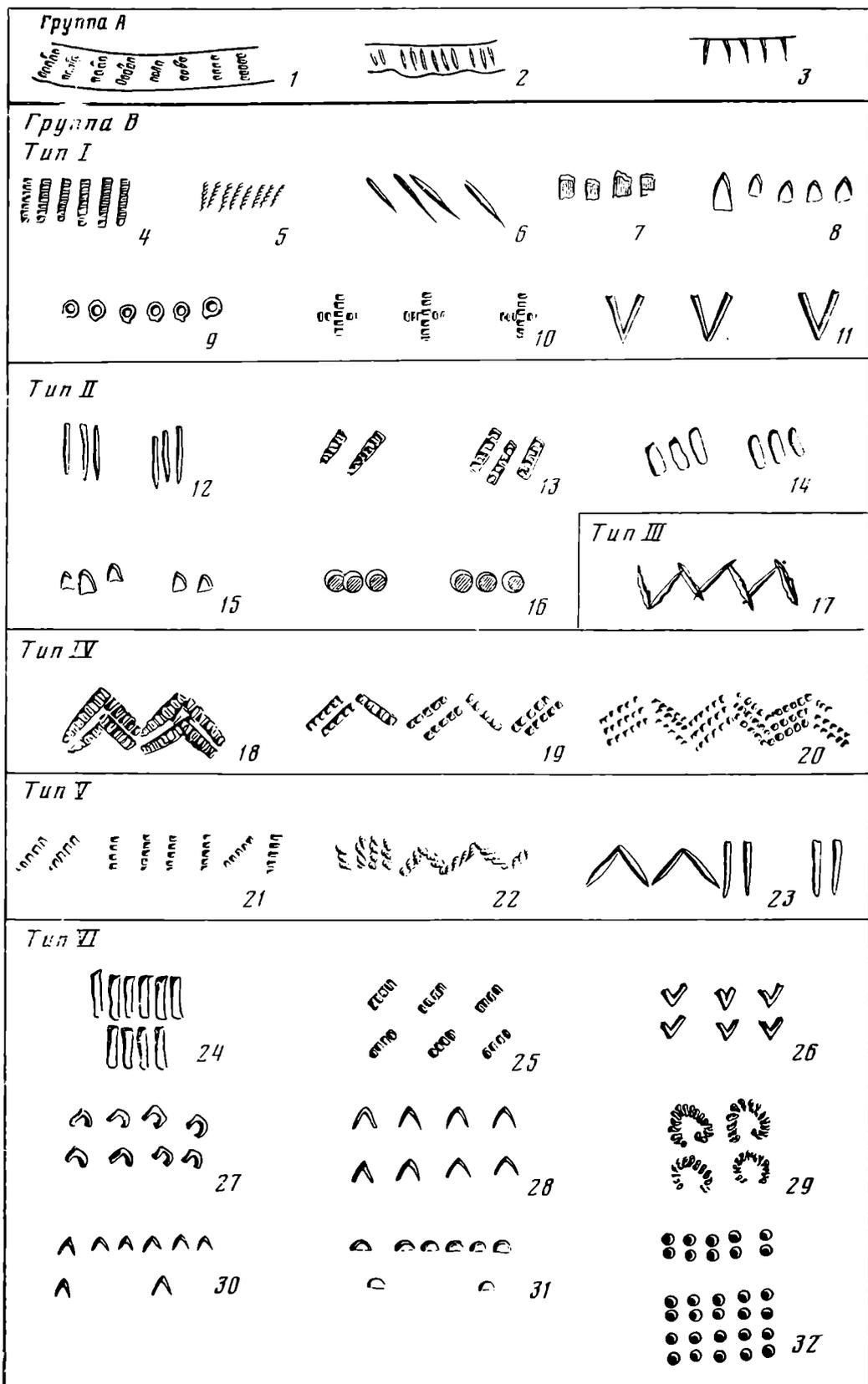

Рис. 3. Типы орнаментальных композиций на лепной керамике Белозерья

с. 96, рис. 2, 1], в курганах Тверского и Ярославского Поволжья, Суздаля и Ярославле (на раннегончарной керамике). С каждого отдельного памятника происходит не более 10 образцов орнаментов этого типа. Можно сделать вывод, что эти простейшие по своей структуре орнаменты были здесь известны, но гораздо реже употребляемые, чем в Белозерье. В Ветлужско-Вятском и Камско-Вычегодском районах орнаменты типа I были распространены довольно широко: они присутствуют на керамике Кочергинского и Дубовского могильников [51, л. 135, рис. 45, 1; 59, рис. II, 13], Кушманского городища, городища Сабанчи-кар [60, табл. 6, 6, 8], могильника Мыдлань-шай [38, табл. XV, 1-3], Роданова городища, хотя доля этих орнаментов в общем наборе невелика, гораздо меньше, чем в Белозерье.

Тип II. Орнаменты представляют собой одноярусные пояски, в которых несколько одинаковых элементов сгруппировано по 2, 3 или 4 и повторяется с определенным интервалом (рис. 3, 12-16). Композиции данного типа встречены в Белоозере, Крутике, отмечены также среди керамики из курганов Кемы (1 обр.) и Колпи (4 обр.). За пределами Межозерья Л. А. Голубева указала аналогии этим орнаментам на сосудах из Ярославских курганов (2 обр.), Старой Ладogi (1 обр.), Васильевского городища на Ваге (1 обр.) и Кичилькосьского могильника (1 обр.) [5, с. 158]. К этому перечню можно добавить узоры на лепной керамике из Бежецких курганов [46, рис. 41] и Суздаля и на раннегончарной керамике Ярославля (по 1 обр.). Несмотря на свою простоту, орнаменты типа II редки за пределами Белозерья.

Тип III. Одинарная зигзагообразная линия. Элементы, образующие орнаменты этого типа, имеют вытянутый контур; все они представляют собой одну композицию, выполняющуюся в различной технике (рис. 3, 17). Орнаменты типа III широко распространены как в Белозерье, так и за его пределами. Они встречены на керамике Крутика, Белоозера, Луковца (9 обр.), Васютина (1 обр.), курганов бассейна Колпи (4 обр.), Кабожи (2 обр.), Суды и Кемы (по 1 обр.). За пределами Межозерья они известны, хотя и в небольшом количестве, в материалах Ярославских курганов, нижнего слоя Ярославля, памятников верхней Мологи (Узмень [46, рис. 30, 15], Курово III)¹⁶, Рюрикова городища [42, с. 96], городища Княжая Гора [45, рис. 17, 8] и Старой Ладogi; еще дальше на западе — в смоленских длинных курганах [61, с. 184, рис. 4, 1, 8, 9]. На каждом отдельном памятнике встречается однако не более 6-8 образцов орнаментов этого типа, а чаще 1-2. Данные орнаменты были знакомы и пермским финно-уграм, на что указывают материалы Роданова и Кушманского городищ, могильников Варни и Жигановского [28, с. 204, табл. 26, 12, 32, табл. XXIX, 20a].

Тип IV. Одноярусные орнаменты в виде двойной или тройной зигзагообразной линии. Ширина орнаментальной полосы не превышает длины элемента, образующего зигзаг, что и заставляет относить эти орнаменты к одноярусным. Композиции выделены по особенностям сочетания элементов, которые во всех случаях имеют вытянутый контур (рис. 3, 18-20). Аналогии немногочисленны. Назовем узор на сосуде из кургана в Грачках под Переяславлем, выполненный в технике прочерчивания [62, л. 32], и один из старолadoжских орнаментов, а также узоры на раннегончарной керамике из курганов у д. Коряково под Костромой¹⁷ и из Ярославля. В Камско-Вычегодском районе орнаменты типа IV встречены на керамике поломской и ломоватовской культур [32, табл. XXIX, 20б, 23а, б; 48, с. 44, табл. 31, 4].

Тип V. Одноярусный пояс, в котором чередование элементов нарушается или меняется (рис. 3, 21-23). Примерно треть всех образцов дополнительно орнаментирована по торцу венчика. Кроме Белоозера, Крутика, Луковца и Яковлева один образец подобного орнамента происходит и Тимерева и один — из Ярославля.

¹⁶ С материалами из раскопок 1980 г. на поселении Курово III меня любезно познакомила И. В. Ислапова.

¹⁷ Пользуюсь случаем выразить благодарность А. Е. Леонтьеву, познакомившему меня с неопубликованными материалами раскопок в Корякове.

Подгруппа *B*₂ объединяет двух- и трехъярусные орнаменты.

Тип VI. Двухъярусный пояс, образованный путем простого повторения элементов. Элементы в обоих ярусах одинаковы и стоят друг над другом, интервалы между ними в разных ярусах могут быть одинаковыми или различными (рис. 3, 24–32). Композиции данного типа встречены в Белоозере, Крутике, отмечены 2 раза на сосудах из курганов на р. Колпи и 1 раз на р. Кабоже. Аналогии известны в Ветлужско-Вятском и Камско-Вычегодском районах в материалах Юмского, Веселовского [63, с. 183, рис. 75, 7, 8] и Выжумского могильников [64, л. 92, рис. 32, 1], на позднеломоватовских памятниках [48, с. 44, табл. 31, 1], в могильниках вымской культуры (Ветью) [29, с. 204, табл. 26, 4]. Особо отметим тождественные орнаменты на сосудах чепецкой культуры [24, табл. XI, 15, 16; 32, табл. XXIX, 30a; 38, табл. XV, 8–10].

Тип VII. Двух- и трехъярусные орнаменты, образованные путем простого повторения элементов. В отличие от типа VI элементы в разных ярусах отличаются друг от друга (рис. 4, 1–4). Композиции типа VII встречены лишь на керамике Крутика и Белоозера. Точную аналогию им представляет узор на одном из сосудов Корбольского могильника на р. Ваге. На финском востоке подобные композиции известны в материалах городищ Кушманского и Шудья-кар [49, рис. 2, 9] и Агафоновского второго могильника [34, л. 385, рис. 289].

Тип VIII. Двух- и трехъярусные орнаменты, образованные повторением элементов с вытянутым контуром, поставленных с наклоном. Направление наклона в смежных ярусах различно, так что каждые два или три элемента, находящиеся в одном регистре, составляют фигуру в виде уголка или короткого зигзага (рис. 4, 5–7). Кроме Крутика и Белоозера эти орнаменты встречены на городище Никольское в низовьях Кемы (1 обр.). Аналогии им многочисленны в Камско-Вычегодском крае — в памятниках ломской и чепецкой культур (Варни, Сабанчи-кар, Весья-кар) [32, табл. XXIX, 18б; 38, с. 105, табл. VII, 4; 60, табл. 6, 5], на городище Шудья-кар [49, рис. 2, 8]. Большая серия таких орнаментов встречена на сосудах вымской культуры в Кичилькосьском, Клянлышластском, Петкойском и Вадьягском могильниках и на Карыбйвском городище [29, с. 185, табл. 3, 4, с. 187, табл. 6, 3, с. 188, табл. 7, 6, с. 190, табл. 9, 1, с. 202, табл. 23, 21, с. 203, табл. 24, 2]. На городищах Шудья-кар, Сабанчи-кар и Карыбйвском и поздневанвиздинском поселении Вис II [31, табл. XXXI, 13] известны тождественные орнаменты. Единственная аналогия узорам типа VIII за пределами Прикамья происходит из Ярославля. На двух сосудах из Тимерева орнаменты типа VIII сочетаются с отпечатками горизонтальной веревочки на шейке сосуда. Такие же узоры известны в Прикамье.

Тип IX. Двухъярусный орнамент, образованный простым повторением элементов в каждом ярусе или повторением групп элементов, поставленных с интервалами. Элементы или группы элементов верхнего яруса стоят над интервалами между элементами или группами элементов нижнего яруса (рис. 4, 8–10). Композиции типа IX встречены на керамике Крутика, Белоозера и курганов на р. Колпи (1 обр.). Аналогии известны в материалах ломской и чепецкой культур: узоры керамики могильников Варни и Мыдлань-шай [24, с. 64, табл. XI, 11; 32, табл. XXIX, 26; 38, табл. XV, 6]. За пределами бассейна Чепцы один образец композиции типа IX происходит из Тимерева.

Тип X. Двухъярусный орнамент, образованный зигзагообразными линиями. По особенностям сочетания зигзагообразных линий выделены четыре композиции (рис. 4, 11–14). Образцы орнамента этого типа происходят из Крутика, Белоозера, поселения Васютино и у д. Козьмодемьянское на Шексне (2 экз.)¹⁸. Некоторые аналогии могут быть указаны в материалах чепецкой и ванвиздинской культур [27, с. 64, табл. XI, 17; 65, табл. 83].

¹⁸ Ярославский краеведческий музей, инв. № 7073, колл. № 29.

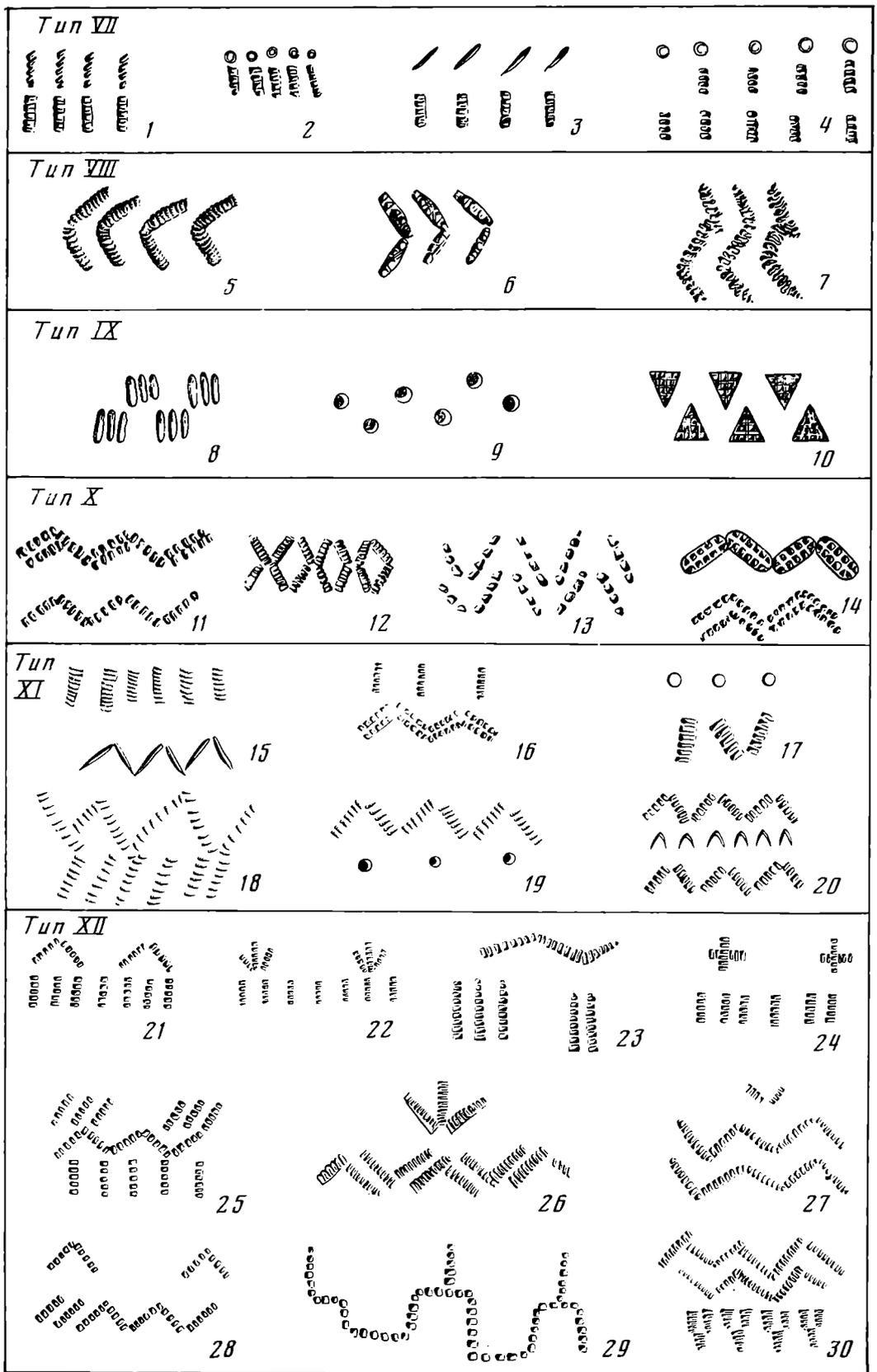

Рис. 4. Типы орнаментальных композиций на лепной керамике Белозерья

Тип XI. Двухъярусные орнаменты, образованные одной или двумя зигзагообразными линиями и одним или двумя поясками из повторяющихся элементов (рис. 4, 15–20). Все образцы происходят из Крутика и Белоозера. Немногочисленные аналогии — в материалах поломской, чепецкой и ванвиздинской культур [24, с. 64, табл. XI, 19; 34, с. 215, табл. XXXI, 7; 32, табл. XXIX, 21a].

Тип XII. Двух- и трехъярусные орнаменты, представляющие собой сочетание простых поясков и зигзагообразных линий с поясками из сгруппированных и расставленных с интервалами элементов или поясками, в которых нарушен порядок чередования элементов (рис. 4, 21–30). Образцы орнаментов этого типа встречены только в материалах Крутика и Белоозера. Единственный известный нам образец, найденный вне пределов Белозерья, происходит с Кушманского городища в бассейне Чепцы.

Тип XIII. Орнаменты, образованные путем неупорядоченного повторения элементов, но имеющие при этом более или менее определенное ярусное строение. Горизонтальная основа яруса несколько сбивается, пояс может прерываться, расстояние между элементами в ярусе резко колеблется, а соотношение элементов в смежных ярусах лишено какой-либо закономерности (рис. 5, 1–6). Орнаменты этого типа можно рассматривать как деградацию некоторых типов, входящих в подгруппу B₂. Места находок образцов: Крутик, Белоозеро, памятники на реках Колпи (2 шт.) и Кеме (1 шт.); один образец — из юго-восточного Приладожья.

Группа C объединяет орнаменты, образованные прямыми горизонтальными или волнистыми линиями. Каждая линия представляет собой отдельный ярус, являясь одновременно и простейшим элементом орнамента.

Тип XIV. Орнамент состоит из одинарной горизонтальной линии (рис. 5, 7). Немногочисленные образцы его выполнены в технике прочерчивания и отпечатков линейной веревочки. Они происходят из Крутика, Белоозера и курганов по р. Колпи (единичная находка).

Тип XV. Орнамент образован несколькими горизонтальными линиями (от двух-трех до семи; рис. 5, 8, 9). Композиции этого типа встречены в материалах Белоозера, Крутика, Васютина и курганов на р. Колпи (1 обр.). Немногочисленные аналогии орнаментам типов XIV и XV известны в Челмужах (1 обр.), на верхней Мологе (1 обр.) [46, рис. 13, 16] и в курганах Ярославского Поволжья (3 обр.). В Камско-Вычегодском крае подобные орнаменты представлены на керамике памятников ломоватовской, родановской, поломской и чепецкой культур, составляя незначительный процент в общей массе орнаментированной керамики и уступая более сложным узорам, в которых горизонтальные линии сочетаются с различными поясками. Иную картину мы наблюдаем в Финляндии, где орнаменты в виде горизонтальных линий, оттиснутых шнуром или прочерченных, доминируют [66, с. 39, 40]. Появление этих композиций в Белозерье во второй половине X в., возможно, связано с проникновением сюда элементов прибалтийско-финской культуры.

Тип XVI. Орнаменты образованы одной или несколькими волнистыми линиями. Все узоры являются прочерченными (рис. 5, 10, 11). Немногочисленные образцы орнаментов этого типа происходят из Крутика, Белоозера и курганов на реках Колпи и Кабоже. Они представляют собой подражание волнистому орнаменту на круговой керамике.

Группа D объединяет узоры, не обнаруживающие четкого ярусного строения. Составляющие их элементы образуют фигуры с вертикальной осью симметрии.

Тип XVII. Орнамент представляет собой фигуры с вертикальной осью симметрии, фигуры отделены друг от друга интервалами (рис. 5, 12–15). Все образцы узоров этого типа происходят из Крутика и Белоозера. Наиболее простые узоры, образованные фигурами из трех элементов, имеют немногочисленные аналогии в материалах селища Белый Городок на Верхней Мологе и в горизонте E₁ Старой Ладogi. Аналогии более сложным узорам этого типа широко представлены в материалах Камско-Вычегодского района, в том числе на керамике родановской и

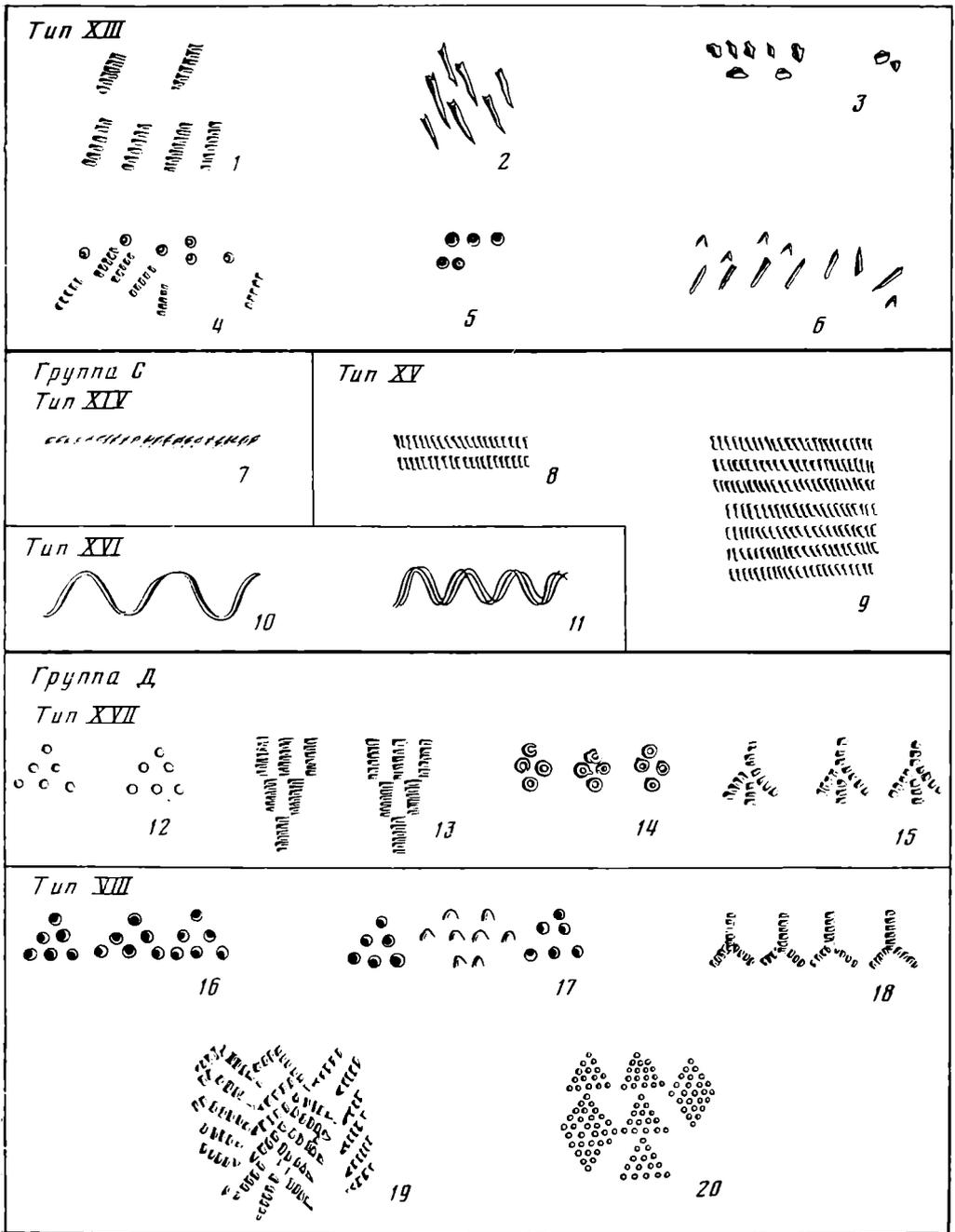

Рис. 5. Типы орнаментальных композиций на лепной керамике Белозерья

чепецкой культур [22, с. 195, табл. XLVII, 3, 4, с. 197, табл. XLIX, 13, 14; 24, с. 64, табл. XI, 24, 25] и сосудах вымской культуры [28, с. 188, табл. 7, 1, 3].

Тип XVIII. Орнамент образован фигурами с вертикальной осью симметрии, стоящими вплотную друг к другу (рис. 5, 16–20). Образцы этих орнаментов происходят из Крутика и Белоозера. Аналогии им известны в материалах Камско-Вычегодского края, на керамике городища Шудьякар и поселений ванвиздинской культуры [31, с. 216, табл. XXXII, 14; 65, табл. 8, 12; 67, л. 24, рис. 327, 26, 27].

Группа *E* включает композиции, образованные путем сочетания орнаментов групп *B*, *C*, *D*.

Тип XIX. Узоры образованы сочетанием линейных орнаментов группы *C* и поясков группы *B*. Как правило, горизонтальные линии составляют один или несколько верхних ярусов, реже поясковые орнаменты окаймляют горизонтальные линии сверху и снизу. В тех случаях, когда узор включает несколько горизонталей, они занимают смежные ярусы и не разделены поясковыми орнаментами. Выделение композиций производится по характеру сочетания линейных и поясковых орнаментов, по типам поясковых орнаментов и контурам элементов, участвующих в образовании узора (рис. 6, 1–13). Образцы орнаментов типа XIX встречены лишь на керамике Крутика и Белоозера; они являются ведущими в Камско-Вычегодском районе и редко встречаются за его пределами. Серия подобных орнаментов из ярославских курганов насчитывает около 20 образцов, однако по крайней мере половина из них украшает круглодонные сосуды прикамского происхождения [68, с. 18–24]. Это же происхождение имеет фрагментированный сосуд из кургана у д. Акулова Гора в Приладжье. Аналогии этой композиции на востоке известны в материалах ломоватовской, родановской, полемской, чепецкой и ванвиздинской культур (городища Лаврятское, Шудьякар, Весьякар, Кушманское, Роданово) [22, с. 196, табл. XLVIII, 2; 24, с. 64, табл. XXIX, 7; 27, с. 55, рис. 34, 9; 33; 48, с. 44, табл. 31, 6; 49, рис. 2, 4].

Тип XX. Узоры образованы сочетанием линейных орнаментов группы *C* и фигур группы *D*. Горизонтальные линии составляют смежные ярусы и не разделены фигурами с вертикальной осью симметрии (рис. 6, 14–17). Все образцы орнаментов этого типа происходят из Крутика. Тип XX близок предшествующему; аналогии ему локализуются в том же Камско-Вычегодском районе.

Тип XXI. Узоры образованы сочетанием линейных орнаментов группы *C* или фигур группы *D*; горизонтальные линии окаймляют пояс или повторяющиеся фигуры с обеих сторон (рис. 6, 18–23). Керамика, украшенная орнаментом данного типа, найдена на Крутике и Белоозере. Аналогии имеются лишь в Прикамье, в частности на керамике Донды-Карского и Роданова городищ [69, табл. 18].

Тип XXII. Узоры образованы сочетанием поясковых орнаментов подгруппы *B*, и фигур группы *D* (рис. 6, 24, 25). Композиции этого типа встречены на керамике Крутика и Белоозера. Композиция 2 имеет точную аналогию в материалах ванвиздинской культуры (Веслянское поселение) [65, л. 78, табл. 8, 14, 15].

Тип XXIII. Узор образован сочетанием пояскового орнамента группы *B* и линейно-волнистых орнаментов группы *C*, перечеркивающих поясок (рис. 6, 26). Единственная композиция представляет собой зигзагообразную линию, оттиснутую веревочкой, намотанной на палочку; поверх линии прочерчено три горизонтали. Образец происходит из кургана на р. Кабоже. Композиции этого типа известны в Приладжье (Усть-Рыбежна). Они появились в результате смешения традиционных приемов орнаментации лепной керамики и орнаментации славянских гончарных сосудов.

Процентное соотношение разных типов орнаментальных композиций на керамике Крутика, Белоозера и курганов юго-западного Белоозерья отражено на рис. 7. На всех памятниках доминируют простые композиции типа I, на втором и третьем месте могут находиться композиции

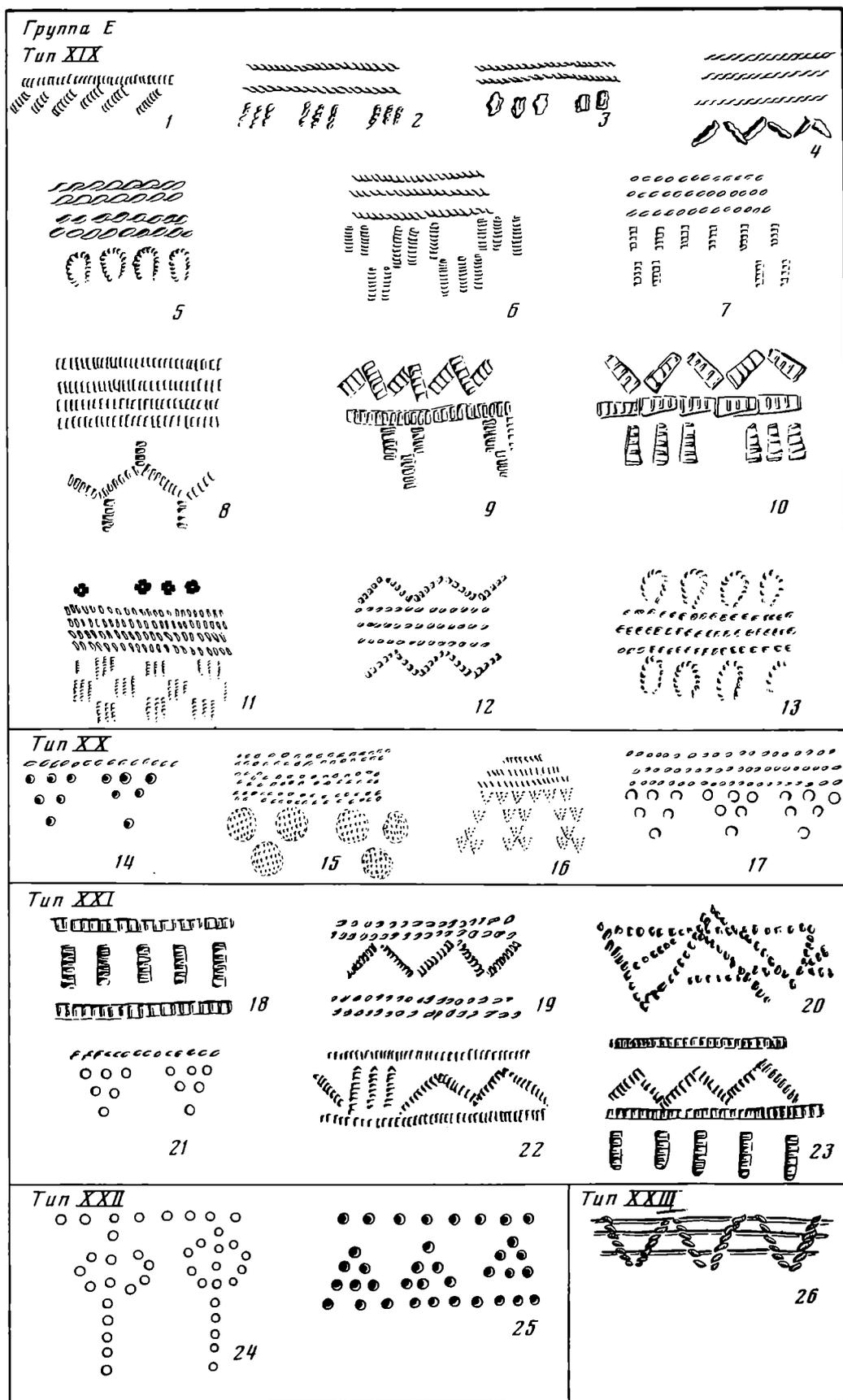

Рис. 6. Типы орнаментальных композиций на лепной керамике Белозерья

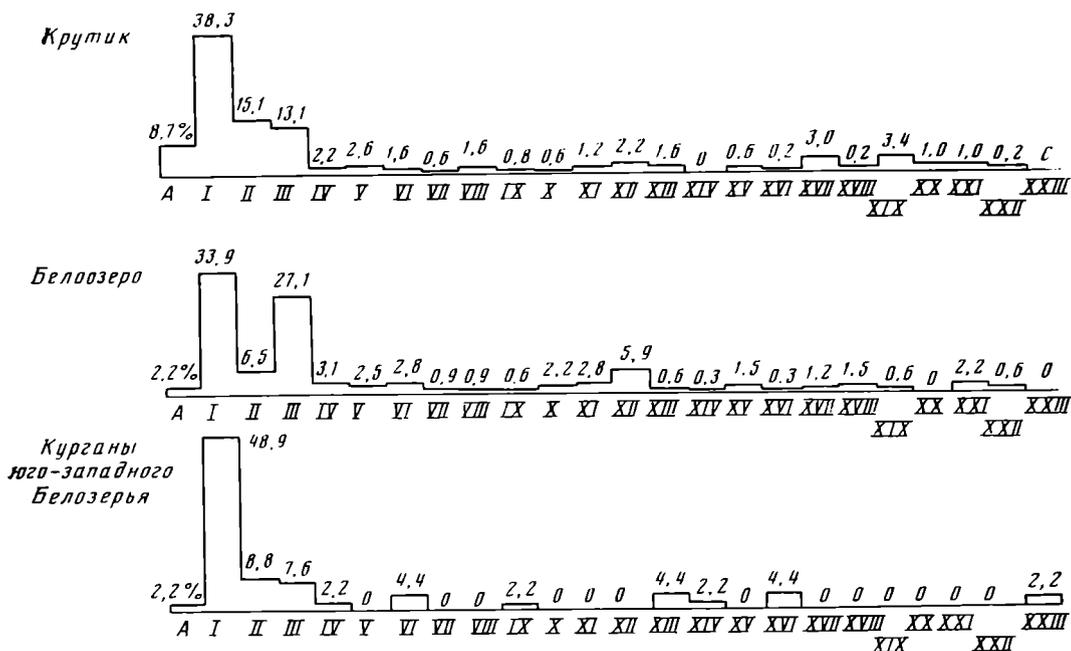

Рис. 7. Процентное соотношение различных типов орнаментальных композиций на лепной керамике с поселений Крутик, Белоозера и курганов юго-западного Белозерья

типа II или III, также несложные. Композиции группы А встречаются на Крутике чаще, чем на других памятниках. Керамика Крутика и Белоозера демонстрирует большее разнообразие типов, чем керамика из курганов.

Попытаемся теперь ответить на вопросы, поставленные в начале работы. Первый из них касается географии распространения набора орнаментов типа нижнего горизонта Белоозера. Оказывается, этот набор нельзя считать характерным даже для всего Белозерья. Как следует из табл. 2, уже само соотношение орнаментированной и неорнаментированной керамики на различных памятниках Белозерья неодинаково: на Крутике и Белоозере процент орнаментированной керамики значительно выше, чем на памятниках Колпи, Суды, Кабожи и нижней Мологи. Гораздо богаче также и техника орнаментации лепной керамики шексинских памятников по сравнению с судско-моложскими (табл. 3). На сосудах из юго-западного Белозерья отсутствуют отпечатки мелкозубчатых и рамочных штампов, решетчатых чеканов, линейной веревочки. Не встречено здесь и керамики, орнаментированной валиком. Лишь по одному разу зафиксированы отпечатки веревочных петель и фигурных штампов. Впечатление о более бедной орнаментации керамики юго-западного Белозерья усиливается, если мы обратимся к табл. 4, показывающей, что на сосудах Судско-Моложского района представлена лишь половина того набора композиций, который известен нам по памятникам Шексны. Это наиболее простые композиции; все они, кроме типов II, IV, VI и IX, принадлежат к числу общераспространенных в лесной полосе Восточной Европы. В целом орнаментика керамики юго-западного Белозерья занимает промежуточное положение между скудной орнаментикой более западных областей и нарядными узорами Шексинского района.

Таблицы 1, 3 и 4 показывают, что наборы орнаментов Белоозера и Крутика имеют значительное сходство. На обоих памятниках представлены элементы орнамента и узоры, которые редко встречаются на соседних территориях. Это отпечатки мелкозубчатых и рамочных штампов, треугольные плоские штампы, фигурные, кольцевидные и решетчатые чеканы, оттиски линейной веревочки и веревочных петель, наклепной валик. Значительное своеобразие керамике обоих поселений придают орнаментальные композиции типов II, IV, VI – XII, XVII–XXII.

Соотношение орнаментированной и неорнаментированной керамики на памятниках Белозерья и сопредельных областей, %

Характер орнамента	Крутик (1000)	Белозеро (605)	Курганы на р. Суде (13)	Курганы на р. Колпи (73)	Курганы на р. Кабоже (41)	Памятники нижней Мологи (24)	Курганы юго-восточного Приладожья (45)	Ярославские курганы (328)	Памятники восточной Карелии (66)
Без орнамента	50,4	46,1	92,4	65,8	65,9	54,2	91,2	67,2	92,0
Орнамент только по венчику	4,3	1,1				8,3		21,3	3,2
Орнамент по тулову	45,3	52,8	7,6	34,2	34,1	37,5	8,8	11,5	4,8

Примечание. Число в скобках указывает общее количество сосудов.

Таблица 3

Распространение элементов орнамента на севере Восточной Европы

Археологические памятники и культуры	Элемент орнамента																
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
Крутик	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Белозеро	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Курганы на р. Суде	+																
Курганы на р. Колпи	+			+	+	+	+				+		+		+	+	
Памятники нижней Мологи	+				+	+	+	+					+	+	+		
Памятники верхней Мологи	+															+	
Ярославские курганы	+	+		+	+	+			+		+	+	+		+	+	+
Курганы юго-восточного Приладожья									+			+		+	+	+	
Памятники восточной Карелии	+								+								
Памятники Приильменья									+							+	
Старая Ладога	+										+		+		+		
Вымская культура	+		+				+	+	+			+		+			+
Ванвиздинская культура	+						+	+				+		+			
Ломоватовская и родановская культуры	+	+			+		+	+	+			+	+	+	+	+	+
Поломская и чепецкая культуры	+	+					+	+	+	+		+	+	+			
Памятники Ветлужско-Вятского края	+		+		+							+					

Примечание. 1 — гребенчатый, 2 — мелкозубчатый, 3 — рамочный, 4 — вдавления с плоским дном, 5 — глубокие вдавления, 6 — треугольные плоские вдавления, 7 — ямочный, 8 — фигурный, 9 — кольцевидный, 10 — решетчатый, 11 — насечки, 12 — линейная веревочка, 13 — веревочка на палочке, 14 — веревочные петли, 15 — пальцевые вдавления, 16 — прочерченный, 17 — рельефный валик.

Материалы других памятников, расположенных в верхнем течении Шексны и ближайшей округе Белого озера, довольно фрагментарны, тем не менее есть основание считать, что эти памятники характеризуются близкой орнаментикой. С поселения Луковец, находившегося при впадении р. Суды в Шексну, происходит керамика, орнаментированная рамочным штампом с узорами типа IV. Немного ниже по течению Шексны располагалось с. Козьмодемьянское, в окрестностях которого также были найдены фрагменты керамики с аналогичным орнаментом¹⁹. На р. Мег-

¹⁹ Подъемный материал собран в 1907 г. В. А. Трефолевым и хранится в Ярославском краеведческом музее (инв. № 7073).

ре, впадающей в Белое озеро с юго-запада, находится поселение Васютино, на котором собраны черепки с наlepным валиком, оттисками плоского треугольного штампа и линейной веревочки (узоры типов X и XV). Керамика с наlepным валиком и глубокими вдавлениями обнаружена на селище Монастырек на северном берегу Белого озера. Вся эта орнаментика не является широко распространенной. Она специфична для Белоозера, Крутика и, как мы видим, для ряда других памятников, ареал которых — верхнее течение Шексны и ближайшие окрестности Белого озера. К данному ареалу относится и территория, прилегающая к Белому озеру с северо-запада. Здесь, на памятниках в низовьях р. Кемы, найдены сосуды с узорами типов II и III, фрагменты с оттисками широкого гребенчатого штампа, веревочки на палочке и кольцевидного чекана.

Попытаемся найти наборы орнаментов, сходные с шексинскими, за пределами Белоозерья. Из области наших поисков следует сразу же исключить юго-восточное Приладожье — территорию, хорошо изученную археологически и давшую большую серию лепных сосудов; более 90% их не орнаментировано (табл. 3). Лепная керамика средневековых памятников восточной Карелии, ставших объектом археологического исследования в последние десятилетия, также почти полностью лишена орнаментов [70, с. 101; 71, с. 155]. Исключение составляют сосуды из Челмужских курганов с узорами типов VI и XIV. Лишь единичные фрагменты орнаментированной лепной керамики найдены в Старой Ладогe, на средневековых поселениях и в курганах Приильменя, Помостья и бассейна верхней Мологи. Полностью лишена орнаментов лепная керамика Углицкого Поволжья²⁰. В Ярославских курганах, напротив, найдено значительное число орнаментированных сосудов (табл. 2). Но в отличие от шексинской керамики почти две трети фрагментов ярославской посуды украшено лишь по краю венчика. На сосудах, орнаментированных по тулову, отсутствуют знакомые нам по Белоозеру отпечатки рамочного и решетчатого штампов, плоские треугольные вдавливания, оттиски фигурного чекана и веревочных петель (табл. 3). Валиковый орнамент, оттиски кольцевидных и мелкозубчатых штампов встречены лишь на единичных сосудах. Преобладают наиболее простые узоры; композиции типов VI, VII, X—XII, XVII, XVIII не представлены. Появление на лепной посуде Ярославских могильников сложных орнаментов типа XIX связано, как мы пытались доказать, с притоком населения из Прикамья [68]. Значительное сходство с белозерскими обнаруживают орнаменты нескольких лепных горшков из бассейна Ваги. Сосуды украшены гребенчатым и кольцевидным штампами, узоры относятся к типам II, VII и XIX. Первые два типа редко встречаются за пределами Белоозерья.

Довольно существенная близость наблюдается между шексинской и камско-вычегодской орнаментикой. Она выражается прежде всего в большом удельном весе орнаментированной керамики на памятниках обоих регионов. Лишь в финно-угорских культурах Камско-Вычегодского края известны керамические комплексы, в которых орнаментировано более 50% всех лепных сосудов. Здесь известны аналогии как почти всем элементам белозерских орнаментов (включая редкие), так и большинству типов композиций. Особо отметим широкое распространение оттисков мелкозубчатых, решетчатых, фигурных и кольцевидных штампов, отпечатков линейной веревочки и веревочных петель. Укажем на еще одну особенность, сближающую белозерские и камско-вычегодские орнаменты. Это многоярусность композиции, стремление покрыть штампованным орнаментом всю верхнюю половину сосуда. Данная тенденция выражена в белозерской орнаментике слабее, чем в камско-вычегодской, и совершенно не наблюдается в орнаментике более западных областей, где штампованные орнаменты образуют узкую полоску на плечике сосуда.

²⁰ Материалы раскопок М. В. Фехнер в 1955—1960 гг. ГИМ, опись № 1767, 1768, 1773, 1794, 1778, 1782, 1816.

Сравнение орнаментики шексинских памятников с орнаментикой соседних территорий позволяет дополнить представление о географии распространения некоторых узоров. Типы I и III могут быть охарактеризованы как широко распространенные, встречающиеся в культурах разной этнической принадлежности. Близкую характеристику им дает и Л. А. Голубева [5, с. 156]. С другой стороны, выделяется группа орнаментов, характерная в основном для Камско-Вычегодского края и представленная в Белозерье небольшой серией композиций (типы XIX—XXII). В Прикамье эти орнаменты преобладают, их непрерывное бытование прослеживается здесь начиная с I тысячелетия до н. э. [22, с. 195, 196; 27, с. 55, 56]. Появление данных композиций в Белозерье объясняется притоком сюда некоторого количества переселенцев из Камско-Вычегодского края и в меньшей степени — культурными контактами.

Имеется и другая группа орнаментов, аналогии которой отмечены в Камско-Вычегодском крае (типы VI—XII, XVII, XVIII). С предыдущей группой их сближает нарядность, большая ширина орнаментированной полосы и определенная сложность построения узоров. Но у пермских финно-угров удельный вес этих орнаментов невелик, в то время как на Шексне доля их составляет 12—20%. Не исключая возможности заимствования некоторых узоров (особенно типов XVII, XVIII), мы рассматриваем эту группу как своеобразную переработку пермско-финской орнаментики, придавшую неповторимый колорит керамике Белозерья. В результате сходных процессов орнаменты этих типов появились и в других районах севера: в Заонежье (Челмужи) и на Ваге (Корбола). Отмечая общие черты между орнаментами Белого озера и Шексны, с одной стороны, и Камско-Вычегодского края — с другой, мы не должны упускать из вида и некоторые принципиальные различия. Во-первых, в Белозерье две трети орнаментированной керамики украшено самыми простыми узорами типов I—III, а в Прикамье преобладают сложные композиции. Во-вторых, выходя за рамки нашей темы, укажем, что подавляющая часть белозерской посуды плоскодонная, а керамика Камско-Вычегодского края имеет плавный переход от стенок к днищу, обычно округлому.

Орнаментальный комплекс керамики Белого озера и Шексны сложился на основе контактов западнофинского и поволжско-финского населения, изготовлявшего в конце I тысячелетия н. э. неорнаментированную или бедно орнаментированную посуду, и пермской группы финно-угров, имевших традицию богато украшать керамику. Эти контакты были обусловлены географическим положением Белозерья, возможно, особой активностью местного населения и проявились в различных сторонах материальной культуры, впитавшей в себя прибалтийско-финские и пермско-финские компоненты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сузов П. А. Славянское городище в Южном Белозерье IX—X вв.— МИА, 1941, № 6.
2. Третьяков П. Н. Северные восточнославянские племена.— МИА, 1941, № 6.
3. Станкевич Я. В. К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX—X ст.— МИА, 1941, № 6.
4. Станкевич Я. В. Классификация керамики древнего культурного слоя Старой Ладоги.— СА, 1951, т. XV.
5. Голубева Л. А. Весь и славяне на Белом озере. М.: Наука, 1973.
6. Golubeva L. A. The White Lake Area and The Volga Water-way.— *Fenno-Ugri et Slavi*. 1978. Helsinki, 1980.
7. Голубева Л. А., Макаров Н. А. Работы Белозерской экспедиции.— АО-1980. М., 1981.
8. Тухтина Н. В. Об этническом составе населения бассейна р. Шексны в X—XII вв.— Тр. ГИМ, 1966, вып. 40.
9. Тухтина Н. В. Новый памятник веси на реке Суде.— Ежегодник ГИМ, 1965—1966 гг. М., 1970.
10. Тухтина Н. В. Работы Вологодской экспедиции.— АО-1977. М., 1978.
11. Тухтина Н. В. Работы Вологодской экспедиции.— АО-1979. М., 1980.
12. Тухтина Н. В. Работы Вологодской экспедиции.— АО-1980. М., 1981.
13. Никитин А. В. Городище и могильник у д. Крестцы.— КСИА, 1974, вып. 139.
14. Никитин А. В. Археологические исследования в Вологодской области.— В кн.: Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. Вып. III. Вологда, 1973.

15. *Никитин А. В.* Вологодская и Каргопольская экспедиции.— АО-1974. М., 1975.
16. *Гуслистов Н. В., Никитин А. В.* Вологодская экспедиция.— АО-1975. М., 1976.
17. *Гуслистов Н. В.* Курганы и жальник у деревень Тимошкино и Ярцево Вологодской области.— КСИА, 1981, вып. 166.
18. *Ошибкина С. В., Макаров Н. А.* Отчет о работах Северной экспедиции в 1979 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 7451.
19. *Макаров Н. А.* Отчет о разведках в Архангельской и Вологодской областях в 1980 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 7956.
20. *Макаров Н. А.* Отчет о разведках и раскопках в Вологодской области в 1981 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 4061.
21. *Городцов В. А.* Русская доисторическая керамика.— Тр. XI АС. Т. I. М., 1901.
22. *Смирнов А. П.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья.— МИА, 1952, № 28.
23. *Семенов В. А.* Из истории удмуртского народного орнамента.— Вопросы финно-угорского языкознания (Ижевск), 1967, вып. IV.
24. *Иванова М. Г.* Хозяйство северных удмуртов в конце IX — начале XII в. н. э.— В кн.: Северные удмурты в начале II тысячелетия н. э. Ижевск, 1979.
25. *Курагов А. А.* Археологические памятники Архангельской области. Архангельск, 1978.
26. *Овсянников О. В.* Отчет о работе Северо-Двинского отряда в 1977 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 6529а.
27. *Талицкий М. В.* Верхнее Прикамье в X—XIV вв.— МИА, 1951, № 22.
28. *Савельева Э. А.* Пермь вычегодская. М.: Наука, 1971.
29. *Савельева Э. А., Истомина Т. В.* Отчет Вымского отряда Северо-двинской экспедиции Сыктывкарского гос. университета за 1979 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 7486.
30. *Topisson E.* Linnamäld ja Maali. Tallin, 1966.
31. *Буров Г. М.* Древний Синдор. М.: Наука, 1967.
32. *Семенов В. А.* Варнинский могильник.— В кн.: Новый памятник поморской культуры. Ижевск, 1980.
33. *Генинг В. А.* Могильник чепецкой культуры у д. Весья-кар.— В кн.: Северные удмурты в начале II тысячелетия н. э. Ижевск, 1979.
34. *Голдина Р. Д.* Отчет об исследованиях Камско-Вятской экспедиции летом 1973 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 5199.
35. *Cleve N.* Skeletgravfälten pa Kjuloholm i Kjulo. V. I.— SMYA, 1943, v. XLIV.
36. *Смирнова Г. П.* Лепная керамика древнего Новгорода.— КСИА, 1976, вып. 146.
37. *Семенов В. А.* К истории развития удмуртского народного орнамента по данным археологии.— В кн.: «Проблемы изучения народного искусства». Науч. конф. (Краткие тез. докл.). Л., 1972.
38. *Генинг В. Ф.* Мыдлань-шай — удмуртский могильник VIII—IX вв.— ВАУ, 1962, вып. 3.
39. *Cleve N.* Skeletgravfälten pa Kjuloholm i Kjulo. V. II.— SMYA, 1978, v. XLIV, 2.
40. *Kivikoski E.* Kvarnbaken. Helsinki, 1963.
41. *Kivikoski E.* Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki, 1973.
42. *Носов Е. Н.* Лепная керамика из раскопок на Рюриковом городище под Новгородом.— В кн.: Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977.
43. *Орлов С. Н.* Археологические исследования на Рюриковом городище под Новгородом.— КСИА, 1973, вып. 135.
44. *Орлов С. Н.* Отчет об археологических исследованиях на территории Новгородской области в 1976 году.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 6153а.
45. *Орлов С. Н.* Отчет об археологических исследованиях в Демянском районе Новгородской области на городище Княжая Гора в 1978 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 7166а.
46. *Леонтьев А. Е.* Отчет о работах Новостроечного отряда Верхневолжской экспедиции в 1975 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 59876.
47. *Оборин В. А.* Некоторые проблемы изучения радановской культуры.— Уч. зап. Молотов. ун-та (Пермь), 1956, т. XI, вып. 3.
48. *Генинг В. Ф., Голдина Р. Д.* Позднеломатовские могильники в Коми-Пермяцком округе.— ВАУ, 1970, вып. 9.
49. *Кананин В. А.* Исследование городища Шудья-кар в верховьях Камы.— КСИА, 1980, вып. 160.
50. *Голдина Р. Д.* К вопросу о культурном единстве ломатовских памятников.— В кн.: Древности Волго-Камья. Казань, 1977.
51. *Аргипов Г. А.* Отчет о раскопках Дубовского могильника летом 1980 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 7791.
52. *Оборин В. А.* Памятники родановской культуры у с. Таборы.— КСИИМК, 1956, вып. 65.
53. *Портнягин Н. Г., Харитонов Г. В.* Раскопки селища Белый городок на Средней Мологе.— КСИА, 1977, вып. 148.
54. *Selirand J.* Eestalaste matmiskombed varafeodaalsete suhete tärkamise perioodil. Tallin, 1974.
55. *Жиганов М. Ф.* К истории мордовских племен в конце I тыс. н. э.— СА, 1961, № 4.
56. *Визляев В. П.* Древняя мордва Посурья и Примокшанья. Саранск, 1977.
57. *Кравченко Т. А.* Шатрищенский могильник (по раскопкам 1966—1969 гг.).— В кн.: Археология Рязанской земли. М.: Наука, 1974.

58. Семенов В. А. Кышкский могильник X—XII вв.— В кн.: Северные удмурты в начале II тысячелетия н. э. Ижевск, 1979.
59. Галицкий М. В. Кочергинский могильник.— МИА, 1940, № 1.
60. Матвеев С. Г. Городище Сабанчи-кар.— Тр. Науч. о-ва по изучению Вотского края (Ижевск), 1928, вып. IV.
61. Шмидт Е. А. Длинные курганы у д. Слобода Глушица.— В кн.: Третьяков П. Н., Шмидт Е. А. Древние городища Смоленщины. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1963.
62. Горюнова Е. И. Отчет о работе Верхневолжского отряда Волжской экспедиции в 1960 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 2101а.
63. Архипов Г. А. Марийцы IX—XI вв. Йошкар-Ола: Маркигониздат, 1973.
64. Архипов Г. А. Отчет Первого марийского отряда Чебоксарской археологической экспедиции за 1971 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 4560.
65. Савельева Э. А., Малышев Н. П. Отчет об археологических исследованиях Северодвинской экспедиции в 1975 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 5859.
66. Selling D. Wikingzeitliche und frühmittelalterliche keramik in Schweden. Stockholm, 1955.
67. Голдина Р. Д. Отчет об исследованиях Камско-Вятской археологической экспедиции летом 1977 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 5577, т. II.
68. Макаров Н. А. Чашевидные сосуды средневековых памятников Верхневолжско-Шекснинского района.— КСИА, 1983, вып. 175.
69. Смирнов А. П. Донды-Карское городище.— Тр. Науч. о-ва по изучению Вотского края (Ижевск), 1928, вып. IV.
70. Песonen П. Э. Памятники раннего средневековья на Муромском озере.— В кн.: Археологические исследования в Карелии. Л.: Наука, 1972.
71. Косменко М. Г. Двухслойное поселение в устье р. Суны.— В кн.: Средневековые поселения Карелии и Приладожья. Петрозаводск, 1978.

N. A. Makarov

ORNAMENTS ON 10th-11th-CENTURY MODELLED
POTTERY FROM LAKE BELOYE

Summary

The article systematises the ornaments found on 10th-11th-century pottery from Lake Beloye which were mostly stamped ones. Twenty-three types of ornamental compositions have been singled out according to the distribution of individual patterns (I-XXIII). Types I and III are most frequently met with in the vicinity of Lake Beloye. Compositions of types XIX—XXII originated in the Kama region. Compositions of types VI-XII and XVII, XVIII are local variations of Permian-Ugric patterns. It is precisely they that rendered special originality to the pottery from Lake Beloye. It must be indicated that on the whole the pattern range on the modelled pottery found on the sites in the upper reaches of the Sheksna River and Lake Beloye environs differ greatly from that found in other regions of the North-East of Europe. It is a result of contacts between the west finnish population and the Finns living in the Volga area which made in the late first millennium non-or poorly ornamented pottery and the Permian group of the Ugro-Finns who made lavishly embellished pottery.